

Ирина СОЛЯНАЯ

СКАЗ ПРО ЧУЧЕЛКО ПУГОВИЧНИКА И ЦЕНУ ДЕВЪЕЙ НЕВИННОСТИ

Жила я на Соломбале, в Адмиральской слободе. Хозяйка — Пульхерия Завалишкина — мне фатеру сдавала об одном окне. У того окна я на машинке ручной строчила, на мамкином наследстве. А позади у меня две занавески были нажаты: за одной топчанчик, на котором я обреталась, а за второй — мои мадамки переодевались. Шила им платья да верхнюю одежду. За всё бралась, кроме нижнего исподнего, потому что белошвейному делу не обучена: глаза не зоркие, а руки грубоватые.

Любой работы не боялась, но больше всего любила мужинский ремонт: карман к пинжаку или воротник, который в драке приятели поотрывали, присобачить. Дело быстрое и копейка мелкая, а мужчины никогда не торговались, не то что мадамки. Потому на горсть муки и два яйца мне всегда хватало. Инда Порфирий Солдаткин крикнет: «Маремьяна, дверь отворяй, дура косяя!» Значит, рыбки мороженой принес. Я у ней хвост, плавники и голову отрубала — и на супчик. А кусочки на сковородку, и мне ажно на три дня хватало.

Ничего, что Порфирий пьяница, зато добренький. Жена, конечно, у него стервь поганая. Пришла раз ко мне и говорит: «Доколе ты, Маремьяна, будешь мого мужика отбивать? От я тебе окна пешней рыбацкой да и посчитаю». А я ей говорю: «Чего их считать? Одно окно, да и то Завалишкиной. А она тебе не попустит». На том и ушла Солдаткина жена.

Хорошо, что Пульхерия Завалишкина на меня не серчала. Добренькая баба, хоть и прохиндейка. Свахой на прокорм зарабатывала. Кофий по утрам с молоком пила, а когда и со сливками. Носила юбку плисовую и тужурку с искрой. У меня не обшивалась, в центр ездила, к портнихе мадам Люли. Мне иной раз мелкую штопку доверяла и за фатеру цену скидывала. И на том великое спасибошко.

Каждое утро у окна я мадамок поджидала, перешивала и перелицовывала. Завсегда в одну сторону мимо окна Афанасий ходил. На шее — шарф, одним концом в кармане, а другим как собачьим хвостом по земле мёл. На драгом пальте с чужого плеча ни одной пуговицы. На голове малахай. Ох, чучелко! Афанасий всегда шёл медленно, на палку опирался. Когда мимо окошка моего проходил, то завсегда стучал, а я ему в ответ ладошкой махала. Когда он обратной дорогой шел, то снова в окошко постукивал. Поначалу я думала, что он так Христа ради просит, но когда пирожок выносила — не брал и руку отводил. Афанасий всегда мне пуговицу приносил, знал, что я портниха. Где их только брал? Дня не было, чтобы пришел пустой. Я этих пуговиц целую махотку накопила. А его самого Пуговиичником прозвала.

Раз Пульхерия Завалишкина сказала мне:

— Чего это к тебе малахольный Афанасий таскается? Нету бокогрея, и это не жених.

А я ей ответила:

— Мало в вас жалости, Пульхерия Андросовна.

А она мне:

— Вся жалость, что богом мне отпущена, на тебе, дуре косой, кончилась.

С тем и поговорили.

Инда за Пуговиичником бежали мальчишки и дразнили: «Старый Афанасий нос расквасил». Или: «Афанасий, чертов сын, продал душу за алтын». Они его за шарф хватали, за пальтушку. А если шапку сбивали, то ногами в грязь топтали, тогда он плакал и лицо рукавицей закрывал. Иной раз я не выдерживала, выскакивала и разгоняла дурачье:

— Пошли вон, паршивцы, вот дьячку на вас пожалуюсь!

А они хохотали и комками грязи кидались.

Люди говорили, что Афанасий был раньше по морскому делу, но в какой-то драке ему голову отшибли, и с тех пор он чучелкой стал. Купцы Замотаевы его приживалой оставили. Злые они были, иной раз напоят Афанасия бражкой, он совсем дурной становится: дорогу не помнит, блукает и воет. А им смешно. По мне, так это не по-христиански, над малахольными издеваться. А что я им скажу? У них деньги и власть, по купецкому делу пристроены.

Как-то по осени Пуговиичник мне принес штучку: камушек мутный, а вокруг золотой ободок. Пуговиичник мычит и сует в ладонь.

— Афанасий, заходи, чаю налью. Кишки погреешь.

Не зашёл. А я штучку в пальцах повертела — барская безделка, но не пуговица и может денег стоить. Вечером спросила у Пульхерии, не видала ли она таковых.

— Сдается мне, что это барышня Куделькина потеряла. Я это семейство хорошо знаю, сосватала недавно её за полковничьего сына. Только как брошка на Соломбале оказалась? Вопрос не риторичкий. А не мог твой Пуговиичник скрасть?

— Что ты! — говорю. — Бога побойся. Не таковский человек.

— Знаешь-ка, Маремьяна, я в такое дело мешаться не стану. Это не иначе барышня

Куделькина к Карпушке бегала.

— Это не штурман разжалованный?

— Он самый.

— Говорят, до бабского полу охочий. Много цвету перепортил.

— То-то ж. Напишу тебе адресок. Сходи-ка сама к Куделькиным. Люди они порядочные. Денег дадут за брошку, потому что камень тут не иначе как аметист.

Тут же к вечеру я и пошла. Мимо церкви святого Мартина, мимо бани на самый конец острова, к наплавному мосту. За проход платить не стала: там как раз Порфирий Солдаткин в будке сидел: по заду шлепнул да за тужурку ущипнул, и вся недолга. А там уж близко до дома Куделькиных. Шла и зубрила наказ Завалишкиной, как в порядочном доме с барышней разговаривать: не тыкать ей, по матушке не упоминать, не гыгыкать и в пол смотреть. Пришла: дом высокий, лестница чистая. На втором этаже в окошках герани всякие и котик фарфоровый.

На мой стук горничная отворила и тут же меня пузом с лестницы столкнула. Из открытой двери слышно, как на фортепьянах упражняются.

— Я к барышне Куделькиной. С докладом. Об нужном для неё деле.

— Не принимают они, хворые, — и посмотрела с прищуром.

— Тогда передайте барышне, что её потеря нашлась.

Горничная взяла брошку, в лице переменялась и перед носом моим дверью хлопнула, но вскорости возвратилась и сунула десять рублей серебром. Это ж мне месяц за машинкой не разгибаться! Я поклонилась и взяла, а горничная мне разговором за губу плюнула:

— Велено сказать, что барышня брошку не теряла, ошиблись вы адресом. А денег вам Христа ради дали.

И снова дверью хлоп! От, подумалось мне, недорого нынче девья невинность стоит. Захотелось приношение под ноги кинуть да вовремя раздумала: перед кем кичиться?

Шла я, помню, тогда и мечтала: «Куплю себе материи всякой, сошью новое платье, а то уж совсем под грудями истлело. Со старого юбку перешью, наставлю верх из другой какой ткани, и будет мне смена. И Пуговичнику пальтушку залатаю. Десять рублей серебром — это вам не мыший хвост».

Тем же путём пришла, а уже вечер, а Завалишкина к себе зовет.

— Иди, милая, самовар горячий.

Сроду такой добренькой не была, сводня старая. Я заявила и без стеснения чай с блюдца дула, коврижкой чёрствой заедала.

— Что с брошкой?

— По дороге утеряла. Шла по мостку через Кузнечиху, так меня какая-то толстуха толкнула, я из рукавицы брошку и выронила.

— Эх, распустяйка! — с досады Завалишкина прямо по столу ладонью хлопнула! Потом взглянула на меня искоса: — А не врёшь ли? Чего долго шастала?

— С Порфирием Солдаткиным миловалась.

— Ладно, иди к себе, — и губы жопкой курячьей сжала.

На другой день сидела у окошка, а Афанасий всё не шёл — ни туда, ни оттуда. И на другой день, и на третий тоже. Стало сердце у меня тискаами сжиматься, подумалось: точно Замотаевы напоили. Встала и пошла к ним напрямиком. Стучу в людскую. Повариха открывает и говорит:

— Чего тебя, Маремьяна, чёрт принес?

— Пришла спросить про Афанасия.

— Э, нашла об ком, об убогом. Похоронили с утра. Замёрз третьего дня. До дома не дошёл, в канавку свалился, так и нашли только на заре.

И тут я поняла, как так бывает, когда земля с небом мешаются. Стою, в глазах темно, и мнится мне, как в лихоманке перед лицом: шарф собачьим хвостом, брошка барская, десять рублей серебром, Пуговичник в канаве с открытым ртом, а на нем уж мухи сидят.

Повариха не растерялась, взбудрила меня хлопками по щекам и на крыльцо посадила.

— Господи святыи, господи святыи, — бормочу, — как так?

— Да так уж. Упокой душу, господи. Да ты жена ему, что ль, что убиваешься? — хмыкнула и пошла к своим кастрюлям.

И не стыдно мне за слезы, пусть смотрят. Поплелась я прочь от дома Замотаевых, наслу дошла до пекарни. Купила сухарей на копейку. Могилку Афанасия на кладбище нашла легко. Серый от грязи холмик с деревянным крестом. Сухари раскрошила, слетелись синицы, стали Пуговичника поминать. И я его вспоминала: «Не дождался пальтушки новой, божий человек. Кто теперича обо мне подумает, кто пуговичку принесет?»

На другое лето купила столбик известняковый, установила. Вырезали на нем: «Афанасий Пуговичник, усопший 13 сентября прошлого года». Как раз десять рублей серебром и ушли.

Пульхерия Завалишкина долго на меня обижалась, что я обдурила её подношеньицем барышни Куделькиной. Сказала как-то: «Дура ты, дура косая. Хоть бы на себя потратила, машинку бы справила новую, коль деньги лишние».

А я и сама знаю, что дура.